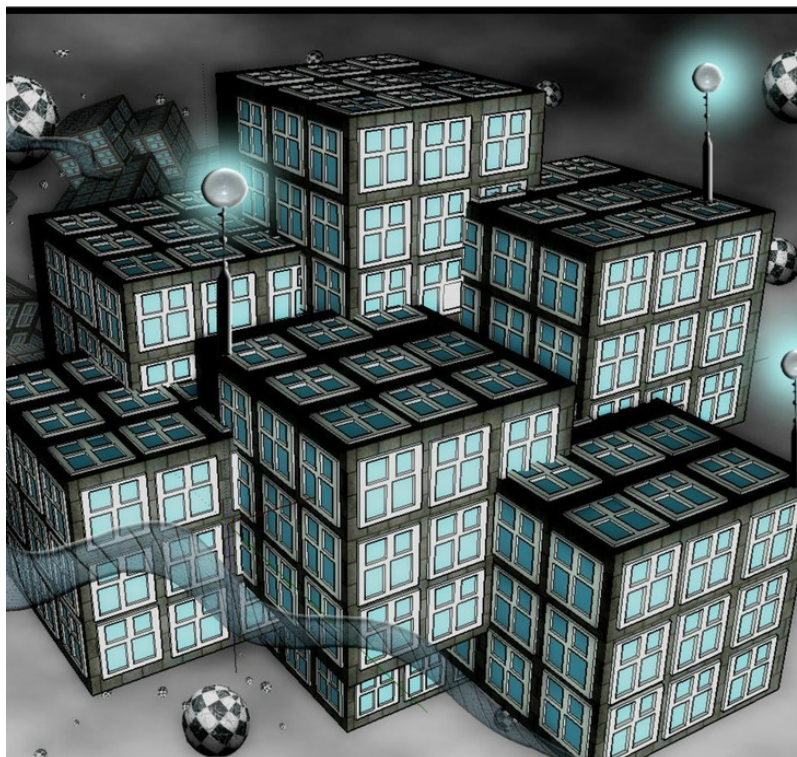

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Шляпа что-то замышляпа

Мария Владимировна Фомальгаут

Шляпа что-то замышляпа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21161131

ISBN 9785448316906

Аннотация

Сентябрями дождик капал
В час луны и в час совы:
Шляпа что-то замышляпа
И сорвалась с головы. И, недолго
размышляпа, Вдоль по ветру – раз-два-три –
Полетела эта шляпа, Огибая
фонари...

Содержание

Шляпа что-то замышляпа	5
Вселенское поле	7
Одиннадцатый	24
Вычитание из нуля	28
Поиски врага	37
Ро	40
Полчаса позора	53
Телескоп	58
Неполезная книга	61
Тяпа-Тяпа	64
Лето нас не любит	80
Мировая медуза	82
Нерожденный	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Шляпа что-то замышляпа

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1690-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шляпа что-то замышляпа

Сентябрями дождик капал
В час луны и в час совы:
Шляпа что-то замышляпа
И сорвалась с головы.

И, недолго размышляпа,
Вдоль по ветру – раз-два-три —
Полетела эта шляпа,
Огибая фонари.

Фонари офонарели,
Серой осенью простыв:
Что ты, шляпа, в самом деле,
Потеряла всякий стыд?

И велят составить рапорт,
Розыскных пустить собак,
Хорошо отшлёпать шляпу,
Шлёпу хорошо отшляпить,
Что прошляпила себя.

Лучше бы домой пошла бы,
Не пугала высший свет:
Но не хочет слушать шляпа,

Но не хочет слуша шляпить,
У луны на голове.

Где-то шлялась эта шляпа,
Но под утро невзначай
На своих на тонких лапах
Замышляпа, размышляпа,
И домой к себе пришляпа,
И пила горячий чай.

Вселенское поле

– На. Держи.

Протягиваю ладони, он сыпает мне в горсть что-то горячее, тяжелое, смотрю в ладони, различаю крохотные песчинки.

– Это... это...

– Чего стоишь-то, сей давай!

Сею. Рассыпаю песчинки по пустоши, смотрю на хозяина, делаю, как он, только бы не ошибиться, только бы не рассыпать где чего не надо. Ничего, хозяин нормальный попался, бормочет потихоньку, ты не торопись, ровненько, ровненько давай, а то, что такое, тут густо, тут пусто...

Сеем. Хозяин сует мне в руку грабли, давай, загребай земличку-то, пусть семена приживутся.

Загребаю.

Земличку.

Даже не говорю, что никакой землички здесь и близко нет, мраморная площадь насколько хватает глаз. Делаю вид, что что-то загребаю, иду до конца поля, которое отсюда кажется бесконечным.

– Ну вот, молодец... как солёный огурец...

Осторожно спрашиваю:

– А поливать не надо?

– Чего поливать, само взойдет... давай огородим, что ли...

Хозяин останавливается на самом краю поля, дает мне тонкую палку, давай её вдоль поля тяни...

Тяну палку. Вдоль поля. Палка, которая казалась не длиннее меня, вытягивается в бесконечность, высвечиваются цифры, десять, двадцать, тридцать... сто... двести... триста...

Хозяин разворачивает две другие палки, одну вдоль соседней границы поля, другую прямо вверх.

Пытаюсь острить:

– Систему координат строим?

– Её, родимую... Ну всё, сработали работу... как там говорится... кончил дело гуляй смело... Ужинать пошли...

– А чего на астрофизику-то потянуло?

Это хозяин. Смотрит на меня, прищуривается, сверлит взглядом.

– Ну как же...

Хочу объяснить, понимаю, что не могу, что тут объяснять, астрофизика она и есть астрофизика, что тут объяснять... потому что звезды. Потому что миры. Потому что галактики. Потому что потому что...

Развожу руками.

Хозяин понимающе кивает.

– Ясно с тобой всё... я сам такой был...

Хочу спросить, какой он сейчас.

Не спрашиваю.

Доедаю рыбу, думаю про себя, не так я представлял себе астрофизику, не так, виделись матерые телескопы, армии чисел и знаков, искривления пространства и времени, еще что-то такое... глобальное что-то... важное что-то...

Вспоминаю какие-то отцовские рассказы, как студентов на практику гоняли, картошку перебирать, капусту гнилую, только это когда было, при Брежневе каком-нибудь, но чтобы сейчас...

Просыпаюсь.

Смотрит в окна огрызок луны, скалится на меня.

Нет, тут не луна, тут другое что-то меня разбудило, понять бы еще, что.

А вот.

Еще.

И еще.

Взрывы за окнами, один, два, десять, вспыхивает ночь яркими огнями, вздрагивает дом.

Хозяин заглядывает в комнату:

– Чего? Не спится?

Не понимаю его спокойствия, бежать же, бежать отсюда надо, а он стоит, смотрит, как ни в чем не бывало, посмеивается.

– И часто тут так?

– Не, по весне только.

– А дом...

– Не рухнет, не бойся... спи...

Выхожу на крыльцо, смотрю на поле, просто так смотрю, сам знаю, что за одну ночь ничего не взойдет, и все равно жду чего-то, надеюсь на чудо какое-то, вот так проснусь утром – а там побеги до небес...

Нет.

Не побеги.

Не до небес.

Крохотные росточки-вороночки пробиваются... даже не из мрамора, из пустоты, смотрят на меня, будто подмигивают, мерцают, переглядываются...

Хозяин выходит за мной, считает ростки, довольно хмыкает.

– Тут вот ростки у тебя не взошли...

Вздрагиваю.

– А тут поднялись, молодца... чего скис, расстроился? Чего ты так, у новичков обычно вообще ничего не взойдет, ну один-два ростка, а ты вон как...

Поднимаю голову.

– И нечего гордиться, нос задирать, давай лучше росточки-то выхаживать... что взошли, это еще полдела, ты молись, чтобы хоть половина, да выросла...

Хозяин осматривает росток за ростком, объясняет мне полупешотом, вот, где росточек сильно в стороны раздался, ты его колышками обнеси, чтобы вверх рос, а не вширь. А где

сильно сжимается, ты его раздвигай, чтобы сам на себя не замыкался, чтоб воронкой, воронкой рос, в бочку не сворачивался. А который свернулся уже, тот выдергивай, ничем ты его уже не развернешь... вот так... молодца... далеко пойдешь, парень, знатный астрофизик выйдет...

Хочу сказать, что никакой астрофизик из меня так не выйдет, если буду в поле тут ковыряться.

Смотрю на ростки.

Не говорю.

Понимаю, что боюсь к ним прикоснуться, вот так, только что нормально работал, и на тебе, боюсь, да и как можно прикоснуться к вселенной...

К вселенной.

Расходится от точки Большого Взрыва, разбегаются частицами, звездами, галактиками, разрастается во все стороны. Где-то чего-то не хватает во вселенной, и снова схлопывается в коллапс, а мы не дадим схлопываться, раздвигаем края вселенной. Где-то наоборот, галактики разбегаются слишком быстро, и нужно их собрать, и хожу, и подгоняю хворостиной, тпру, тпру, куда вас понесло, а ну назад... Хозяин смотрит, одобрительно кивает, приговаривает, ай, молодца, надо будет потом собаку пастушью купить... Ты мне напомни, а то я как в город выберусь, так из головы все и вылетит...

– Хорош сидеть-то, зарылся в книги свои, его и не видно... айда на поле... штуку одну покажу.

Выбираюсь на поле смотреть штуку. Лето как-то незаметно перевалило за середину, пышет жаром, дышит зноем, узнать бы, куда уходит потом это лето, уйти бы с ним туда, где всегда жар и зной, и трава под ногами шуршит...

Воронки поднялись высоко-высоко, в человеческий рост.

– Смотри... вишь... наверху...

Смотрю. Вижу. Наверху. Звезды, звезды, звезды...

– Ничего не замечаешь?

– А что замечать?

– Эх, парень, а еще в астрофизики метишь... вон, глянь...

Наконец, вижу. Не вижу, чувствую. Радиоволны. Повсюду. Расходятся, ищут что-то...

Хлопаю себя по лбу.

– Жизнь? Разумная?

– Она, родимая... ты давай, давай, смотри, чтобы побегито не разбежались, не схлопнулись... а то знаешь, сейчас обиднее всего, растили-растили, и на тебе...

Смотрю. Чтобы не разбежались, не схлопнулись, сейчас вообще много какие вселенные разбежаться хотят, рассыпаться в большом разрыве, думают, вышел их срок. Не позволяю разбежаться, сгоняю обратно, Жучка помогает, бегаёт, гавкает, покусывает галактики за бока, чтобы вернуться в стадо.

– Вставай.

– А?

– Вставай, говорю.

Смотрю в темноту ночи, не понимаю.

– Так... ночь же.

– Вижу, что не день.

Догадываюсь.

– А случилось чего-то?

– Случилось... давай скорей, дело-то такое, счас без урожая к черту останемся...

Бегу к полю, издалека слышу, шум, грохот, пальбу, сразу даже не понимаю, где палят. А вот, где-то посередине поля, это дело дрянь, что посередине поля, эдак и на другие ростки перекинется...

Стоп.

Хлопаю себя по лбу.

– Как перекинется, почему перекинется, как события одной вселенной на другую вселенную повлиять могут...

– Могут. Еще как могут.

Это хозяин.

– Вы что... мысли читаете?

– Чего читать, если ты вслух бормочешь... Они же вон, за пределы вселенной вышли... оружие у них многомерное...

– Это как? Многомерное?

– Я почем знаю, как... отберешь у них оружие, узнаешь как...

Пытаюсь отобрать оружие. Понимаю, что не могу, слыш-

ком много у них оружия этого, до черта много.

– Из земли выдергивай!

Крик хозяина пробивается через грохот.

– А?

– Из земли выдергивай, говорю!

– Так погибнет же росток!

– Чего росток, хочешь, чтобы все поле к черту погорело?

Не хочу. Но и росток выдергивать не хочу, где у них это оружие окаянное, где, где, где, а вот, неприметная планета, с которой все началось, здесь эту дрянь и производят, додумались, сволочи...

Сжимаю планету в кулаке, руку обжигает пламя, мир меркнет...

– ...мозгов-то вообще, что ли, нет, астрофизик хренов...
каким местом думаешь-то...

Хозяин перевязывает мне руку, сжимаю зубы, чтобы не застонать от боли.

Вспоминаю.

– А росток?

– Жив, жив твой росток... идиотище... чего церемониться, выдернул бы, да и все...

Хочу сказать, что так нельзя.

Не говорю.

– Ну, всё... айда собирать.

Не знаю, что собирать. Но иду.

Трава за ночь покрылась инеем, уже подмораживает, вот и осень, не улетел я за летом в теплые края.

Идем на поле, хозяин держит лезвие, хоть убейте, не понимаю, что будем делать.

– Ну, вот... осторожно верхушку срезаешь... там, где жизнь в космос вышла... ты смотри, не там, где разумная жизнь появилась, а там, где она в космос проклюнулась, понял, да?

Не понимаю. Вернее, это-то я понял, а вот то, что мы делаем...

– К-как срезать?

– Ножичком, как.

– Они же... погибнут.

– Погибнут, конечно. Ну, не погибнут, время остановится.

– Но... зачем?

– Зачем-зачем, на продажу, зачем... думаешь, чего растили-то?

Не верю себе. Срезаю побеги, все переворачивается внутри, понимаю, что никогда себе этого не прощу, никогда, никогда. А что делать, куда деваться, астрофизик я или где...

Наполняем корзины доверху, хозяин одергивает меня, да куда ты так сыпешь, хва уже, а то выпадут.

Сиротливо торчат обезглавленные вселенные.

– Эти тоже срежай давай... ботву... на корм пойдут... их в масле потушить, перцем приправить, так вообще ни в сказ-

ке сказать, ни пером описать...

Срезаю и эти тоже. Складываю в корзины, хозяин отбирает несколько побегов нам на ужин, бормочет, хорошо приготовить, так ты за уши не оттащишь. Вытаскивает срезанные верхушки растений, одну, две, пять, приговаривает, парень, ты чего набросал-то, чего набросал, в космос-то тут жизнь вышла, это да, только ничего, что разумом здесь и не пахнет, и даже не воняет? Ой, горе мое... ничего, ничего, я сам такой был, научишься...

Молчу.

Понимаю, что ничему я не научусь.

– А этот-то о вас отзывался хорошо... – препод испытующе смотрит на меня, – работать к нему пойдете?

– Не...

– А чего так?

– А так...

– Что-то получше себе нашли?

– Не...

– Тогда почему?

Понимаю, что ничего не смогу объяснить. Почему. Потому что. Потому что никакого астрофизика из меня не получится...

– Урожай-то когда собирать будешь?

Это хозяин спрашивает. То есть, бывший хозяин, я уже

на себя работаю... если это вообще можно работой назвать.

Смотрю на высоченные стволы.

– Успеется.

Бывший хозяин фыркает.

– Чего успеется, сейчас самое время. Чего ждать-то будем, второго пришествия?

– Да... успеется...

Хочу сказать, что никогда не буду собирать урожай, не говорю.

Он называет себя.

Вспоминаю, спохватываюсь.

– А, то-то я смотрю, лицо знакомое... ну как, опыта набрался, своё поле решил отгрохать?

Парень кивает.

– А то.

– Тоже правильно... так и надо жить... это я всю жизнь на одном месте, как к хозяину прежнему нанялся, так и пашу, хозяин помер, я остался... я у тебя что хотел-то... семян попросить...

– Это можно...

Парень идет к своему дому, иду за ним, вижу в отдалении поле, что-то не так с этим полем, еще не понимаю, что, но не так...

Не выдерживаю.

– А можно поле глянуть?

– Отчего же нельзя... пойдёмте, посмотрим.

Смотрю.

Не верю себе.

Я, конечно, много повидал, но никогда не встречал ростков такой высоты. Никогда. Нигде. Настоящие деревья, в два раза больше человеческого роста, разум начинается где-то посередине, и тянется, тянется, тянется...

Восторженно вздыхаю.

– Ничего себе.

– Ну а то... стараемся...

– Слушай, а как у тебя это получается-то?

– Ну как... как обычно, как вы меня учили... где разбегаются, там сгонять надо, вон у меня и Полкан для этого... где сходятся, там наоборот, раздвинуть надо... только вот эти вот, где тепловая смерть, там не получается ничего, гибнут они...

– Да я не про то! Парень, ты как делаешь, что жизнь у тебя тянется и тянется?

– Да... по-всякому...

– ...за подстрекательство к пацифизму приговаривается к смертной казни.

Не успеваю ничего сказать, не успеваю возразить, – заряд тока прошибает каждую клеточку моего тела.

Еще успеваю подумать, что сделал всё, что мог, и будь я проклят, если они не остановят войну...

Возвращаюсь.

Домой.

Возвращаться всегда больно. Очень больно. Тело еще помнит, что с ним сделали там, в чужом мире, тело хочет уснуть и никогда не просыпаться...

Заставляю себя открыть глаза.

Оглядываюсь.

Бывший хозяин хлопает меня по щекам, очнись, очнись, очнись, хочет встряхнуть за плечи, делаю знак, не надо, не надо, не на-а-ад-о-о-о, башка и так раскалывается...

Выдыхаю:

– Получилось.

Говорю юнцу:

– Ты осторожнее. Так тебя и хлопнуть могут.

– Что могут... сколько раз уже хлопали...

– И часто так приходится?

– Да... по-всякому... иногда и по пять раз в день туда...

Мне кажется, я ослышался. Быть того не может, с ума сойти, пять раз в день умирать...

Обречённо смотрю на поле. И хоть бы одна сволочь выжила, хоть бы одна сволочь не сгорела, как же, нате вам, получите-распишитесь, все вселенные, все как одна поднимают небо верхушки мертвых цивилизаций...

Сплеываю. Ловлю себя на том, что начинаю ненавидеть юнца, люто, бешено ненавидеть, конечно, хорошо, что ученик превосходит своего учителя, но чтобы настолько...

Черт.

Срезаю верхушки, срезаю цивилизации, ладно, на второй сорт, может, сгодится, может, еще кто купит, если упаковать получше... Добираюсь до последнего ростка, долго думаю, смотрю на изможденного человека в высокой башне, вот он склонился над плохоньким телескопом, смотрит в звезды...

Оставляю стебель. Сам не знаю, зачем.

Иду к автобусной остановке, что я делаю, что делаю, куда я еду, кто меня там ждет...

Выхожу из автобуса.

Шагаю к чужому полю, вернее, к тому, что осталось от чужого поля, а ничего не осталось, так и есть, срезанные под корень миры с обрубленными цивилизациями.

Хочу окликнуть хозяина. Не окликаю. Вижу на поле воронку, последнюю, живую, уцелевшую, вижу цивилизацию, которая тянется и тянется – в бесконечность.

Иду к стеблю, спотыкаюсь обо что-то, не сразу понимаю, что я вижу, кто это лежит на земле, а-а-а, вот и хозяин, как же его зовут-то, не то Славик, не то Вадик, вертится, вертится на языке, и не вспомню...

– Ну, Вадь, молодец ты... не думал, что ученик своего учителя вот так прев...

Не отвечает. Почему не отвечает, почему он лежит, не встает, поворачиваю его к себе, только сейчас вижу рубашку, залитую кровью...

Осторожно спрашиваю:

– Жить будет?

Врач мотает головой.

– Да, похоже, что и нет.

Сами собой вырываются слова, которые в приличном обществе не говорят.

Врач косится на меня:

– Сын ваш?

– Не... работал у меня. Хороший парень, смышленный...

– Ну, сочувствую. Кто его так вообще, вроде отродясь у нас тут не убивали никого.

– Да во вселенную полез.

– В какую еще вселенную?

– Ну, которые на плантациях растут.

– Охренеть... что, совсем с катушек съехал?

– Похоже на то...

Парень открывает глаза, смотрит на меня, хрипит что-то, да ты лежи, лежи, что всполошился-то...

– По... по...

Лежи, лежи...

– По... бег...

– В порядке твой побег, в порядке, на поле там... живе-

хонька цивилизация...

Парень опирается о мою руку, доходит до поля, смотрит на спасенную цивилизацию.

– Они же что со мной сделали-то... был там один, ему деньги нужны были из бюджета... а тут я со своими технологиями... ну, чтобы люди сами о своей вселенной заботиться могли. Я тендер выиграл, а он в отместку головорезов каких-то нанял, чтобы меня в переулке...

Хлопаю его по плечу.

– Хватит, хватит, не вспоминай...

Не вспоминает. Смотрит на росток цивилизации, довольно кивает:

– Абсолютный рекорд.

Что-то происходит. Не сразу понимаю, что, не сразу понимаю, как такое получилось, вот он стоит, вот он держит в руке отрубленную верхушку с цивилизацией.

– Зачем... зачем?

– На аукционе целое состояние дадут... обещали...

– Так ты... ты... на аукцион? На аукцион, да?

...свою вину признает, уверяет, что напал на своего бывшего работника в состоянии аффекта, потому что тот...

Смотрю на последний стебель, который остался на моем поле.

Хочу перерубить.

Не перерубаю, замечаю то, чего раньше не видел.

Вот оно.

Человек, сидящий в башне, спускает веревочную лестницу, ниже, ниже, ниже, – вниз по воронке вселенной до самого глубокого прошлого, пытается что-то изменить...

Одиннадцатый

Тим ползет по клетчатому полю. Десять раз клеточка белая, один раз клеточка черная.

Под черными клеточками бывают кубики.

Под белыми клеточками ничего не бывает.

Тим доползает до черной клеточки. Если копнуть хорошо, можно достать кубик. И еще кубик. Тим достанет кубики, отправит в реактор.

И дальше поползет.

У кого кубика нет, тот уже не ползет, тот стоит. Реактор пустой потому что. Такого и самого потихоньку на кубики разберут, даром, что закон не велит.

Тим наполняет реактор кубиками. Один, два, три, четыре... десять.

В ямке под квадратиком остается еще один кубик. Тим выпускает у последнего кубика крылья. Подбрасывает кубик в небо, выше, выше, кубик летит.

Когда-нибудь он выйдет за пределы солнечной системы.

Тим снова ползет по клетчатому полю. Перебирает гусеницами. Ползет десять клеточек до следующего черного кубика.

Одиннадцатый кубик еще можно припрятать. Собрать пять одиннадцатых кубиков, тогда из них можно сделать крестик. И выпустить ему крылья.

Такой крестик если запустить, он и за пределы галактики вылетит.

А то и дальше.

Раньше-то не то было. Раньше-то откроет Тим квадратик, а там кубиков и пятьдесят, и все сто.

А по молодости бывало, что и тысяча. Строй, не хочу. И замки, и зверей разных, и фигурки всякие. Всем крылья выпускал, и в космос.

Это по молодости.

Теперь не то.

Как-то незаметно старость подобралась.

– Тим!

Это Том. Окликает Тима. Тим настораживается. С Томом, конечно, давно знаком, по соседним дорожкам вровень идут. Только мало ли что у Тома на уме, вот так вот отберет кубики у Тима, да и все.

А что.

Бывает так.

– Тим!

Тим оборачивается.

– Чего тебе?

– Тим... А ты... когда у тебя только десять кубиков останется, что делать будешь?

– В смысле?

– Ну... дальше поползешь, пока ползется, или в космос пустишь?

Тим задумывается.

– А не знаю. А ты?

– А тоже не знаю.

Тим не знает. А зря. Это по молодости еще так можно было – не знать. По молодости святое дело не знать. А когда за три года тебе перевалило, можно и подумать.

А вот не думается.

– Я думал, и не доживу, – говорит Тим.

– Я тоже думал, не доживу, – говорит Том.

– А Там сразу как десять кубиков увидел, так все их в космос распустил и не полз больше, – вспоминает Тим.

– А Тум до сих пор десять кубиков загрузит, и дальше ползет, – говорит Том.

– Зачем? – спрашивает Тим.

И Том соглашается:

– Зачем?

Ползут дальше. Тим ползет, на Тома злится, это надо же было, разбередил, растревожил, вот и думай теперь...

Другим проще. Другие про такое не думают.

Вообще.

Еще бы.

Другие-то запасливые, другие-то с молодых ногтей кубики припасали, кубик за кубиком. И детей своих припасать учили. Как увидят, что зазевался кто, в небо пустил, сразу хлоп, хлоп, нахлопают, накажут – чтоб неповадно было.

Так-то.

Клеточки черные, клеточки белые. Клеточки черные, клеточки белые. Через каждые десять белых одна черная.

Тим ползет по клеточкам.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Семь.

Восемь.

Девять.

Десять.

Открывает одиннадцатую. Вытаскивает кубики. Один-два...

...одиннадцать.

Одиннадцатому кубику выпускает крылья, подбрасывает в небо.

Смотрит вслед.

Вычитание из нуля

Здесь даже цифр нет.

Про числа уже и не вспоминает никто, какие числа, числа далеко-далеко позади остались. Ну ничего, без чисел как-то попривыкли, без чисел как-то можно обойтись.

А вот без цифр совсем плохо. Вроде бы и знали, что тут, на краю мира, уже ни того, ни другого не останется. А все равно нестерпимо как-то.

Сто седьмой смотрит на цифры, прикрепленные к сердцевине обиталища. Они должны заменять настоящие цифры. Только ни черта они не должны, и ни черта не заменяют, вот что.

Сто седьмой считает, сколько осталось до цели. Если вообще есть там впереди какая-то цель. Если не обманули, не наврали, не просчитались, не зря смотрели в бесконечную даль миллиарды веков.

Сто седьмой повторяет – не зря. Так еще перед вылетом разум велел, повторять себе – не зря, не зря, не зря.

Иначе все зря будет.

Иначе здесь с ума сойти можно, если не верить, что не зря.

Один... ноль... семь...

Получается сто седьмой.

А квадратных корней осталось на три отрезка времени. Это если на всех и поровну, как общему разуму положено. А без квадратных корней из двумерного одномерное делать?

То-то же.

Никак.

Есть, правда, еще какие-то способы заковыристые, высшим слоям разума подвластные, только то высшим слоям, и то в родном мире, а не здесь.

А без одномерного чем заряжаться?

Нечем.

А если заряжаться нечем, значит – небытие.

Сто седьмой смотрит на цифры, прикрепленные к сердце-вине обиталища.

Один.

Ноль.

Семь.

А больше цифр тут нет.

Так далеко ушли, что даже цифр нет.

Не то, что чисел.

А квадратных корней на всех не хватит. А это что значит? А вот то и значит, что сходит потихоньку со сто седьмого цивилизация, накопленная, наращенная за миллиарды лет. Вроде крепко держалась, вроде накрепко её приматывали, вроде как рождается новое звено в бесконечной цепи разу-

ма – сразу же вырастает в вековые основы цивилизации, сразу приплюсовывается ко всем, к кому только может приплюсоваться, плюс один, плюс другой, плюс пятый, плюс десятый, а там и преумножать учится, а там и в степень возводить и возводиться...

Думаете, надолго это?

Думаете, насовсем?

Ну-ну.

Это только кажется, что насовсем, навсегда вживили – ты в степень возводишь, и тебя в степень возводят, тебя возвели – и ты возводишься...

Потихоньку отключается в сознании сто седьмого то, что делало его сто седьмым.

Потихоньку проклевывается из-под отключенного сознания что-то древнее, о чем уже и не помнит никто, что оно есть...

В древности наши предшественники жили по истинно безумным и варварским обычаям. Я говорю о тех временах, когда еще не умели возводить в степень. Ведь для того, чтобы возводить в степень, нужно сделать это взаимно, а наши предшественники даже и помыслить не могли, что такое взаимно. В те времена нам было доступно только умножение. Я говорю – нам, потому что мы и наши предшественники – одно целое, разделенное первым в истории возведением в степень.

Как жили в те далекие эпохи? Умножали самих себя. На два, на десять, на тысячу. Кто на что горазд. Кто больше умножал себя, тот получал больше прав на ресурсы. Нет, не на квадратные корни, о них тогда еще не слышали...

Здесь цифр нет.

Что чисел нет, это понятно.

Но теперь еще и цифр нет.

Вот это совсем дело дрянь, что цифр нет.

Сто седьмой потихоньку отделяется от всех, потихоньку проверяет собственные ресурсы, на сколько хватит. Хватит ненамного, всего-то – умножиться на четыре. Ну да и то хорошо, другие-то до сих пор вместе держатся, до сих пор умножаться и не думали, так что сто седьмой в выигрыше.

Оно того стоит. Все вместе все равно до цели не доберутся, если вообще есть впереди какая-то цель. Немногие доберутся, немногие достигнут конца пути. И пусть среди них будет сто седьмой.

Зря, что ли, все.

Не зря же.

Не зря же сто седьмой смотрел в бесконечную даль – по молодости, когда еще не был сто седьмым, а был первым, всего-то и было, что единичка у него. Уже тогда смотрел в пустоту между бесконечными рядами цифр, уже тогда понимал, что цифры не бесконечны, что есть там что-то за пре-

делами мира...

Кто-то узнает.

Кто-то, кто доберется до конца пути.

Сто седьмой расправляет ауру, готовится прижать всех, кто слабее него, а кто слабее, все слабее, сто седьмой же на четыре помножился...

Прислушивается.

Что-то обжигает ауру, да что – что-то, оно и есть. Сто седьмой на четыре себя умножил, да не один сто седьмой такой умный, семьсот первый в восемь раз себя помножил, а двести второй – и вовсе в двенадцать.

Так что где тут сто седьмому с ними тягаться-то.

Им все корни.

Квадратные.

А сто седьмому – что останется.

Здесь цифр нет.

Давно уже нет.

Сто седьмой смотрит на цифры, прикрепленные к сердце-вине обиталища.

А других нет.

А корней квадратных не осталось.

Совсем.

Тут бы назад повернуть, благо – назад повернуть дело нехитрое. Повернул, сию минуту в родной стороне оказался, где цифры, цифры, цифры, да что цифры – числа, большие,

жирные, ешь не хочу.

И корни.

Квадратные.

Ну, треугольные тоже порой попадают, но квадратные – это да, это полно.

Так что можно бы и назад вернуться.

Если бы...

Если бы не...

Сегодня увидели.

Что-то мелькнуло там, бесконечно далеко.

Что-то...

Нет, не цифры.

Черт пойми, что.

Но не цифры.

А значит, движется вперед обиталище, несет поредевший экипаж, сколько их осталось-то...

Мало осталось.

– Что я могу сказать... мы думаем, что знаем о нашем подсознании все. Но на самом деле нам известно только то, что лежит на самой поверхности. Что мы знаем о более ранних слоях, которые напластовывались на наше сознание века и века назад? Мы еще имеем представление о низших слоях подсознания, способных тупо самоумножаться – но что мы помним о том, что было еще раньше? Что было на заре веков, когда в хитросплетении единиц только-только стали

зарождаться первые двойки? А ведь в те времена наш мозг был намного примитивнее, чем мозг умножающий. Тогда наши предки умели только складывать и вычитать. Когда примитивное сознание встречало другое сознание, оно стремилось поглотить, приплюсовать его. Если это не удавалось – сознание отнимало враждебное сознание от нуля, вводило его в минус...

Здесь цифр нет.

Совсем.

Те, что в обиталище были, и то не прижились.

Да много кто не прижился.

Ничего.

Сто седьмой выживет.

Потому что.

Не может.

Быть.

Иначе.

Сто седьмой и семьсот первый вертятся в бешеной пляске, в бешеной схватке, кто кого приплюсует быстрее, кто кого поглотит, кто проживет лишний отрезок времени, два отрезка, три...

Приближается из бесконечной дали то, что не цифры, а другое что-то, раскаленные сияющие шары.

Вот сказать кому, не поверят: висят в черной пустоте раскаленные сияющие шары.

Кагда я вырасту, я хашу стать страникам я хашу аткрывать новии меры. Гаварят што ети меры аткрыть очинь трудна. А я их аткрою. Патаму шта я сматрел на цыфры и видел што между ними есть пустата. А значит там за цыфрами што та есть...

Ничего не осталось в памяти, крутится что-то из сочинения, старого, как мир.

Сто седьмой смотрит перед собой. Смотрит на стальной шар, вышедший из глубин пространства, смотрит на что-то мягкое, влажное, горячее в глубине шара.

Приглядывается.

Понимает – можно приплюсовать.

Я хачю быть касманафтам патаму шта я хачю знать што за краим всиленай. А мама гаварит што это глупасти и я должен лучче учицца...

Димка доглядывает берцовую кость. Если её разломать, можно достать мозг. Только это силы нужны, разломать.

А сил нет.

Говорят, Антон болел чем-то, так что дело дрянь кости его глодать.

Да все равно уже.

Димка смотрит на то, что впереди.

Прикидывает.
Вроде сгодится.

Сто седьмой выпускает плюсы.
Приплюсовывать будет.

Димка впивается зубами в полужидкую субстанцию,
не поддается, с-сука, нож бы взять, вспомнить бы еще, где
это нож посеял...

Сто седьмой не понимает.
Так его еще не минусовали.

Тело прошивает жгучая боль, хочется бросить все, зата-
иться...

Не таиться.
Не бросать.
Димка нащупывает нож, вонзает в месиво.

В последнем проблеске сознания сто седьмой отнимает
чужого от нуля...

Поиски врага

Я давно искал тебя, мой враг.

Я искал тебя с того самого момента, как ты ворвался в дом моих родителей, ты заколол моего отца в жестокой схватке, а моя мать сама заколола себя кинжалом, чтобы ты не овладел ею, мой враг.

Я в это время прятался в подполе, куда меня отправила мать, строго-настрого наказав сидеть смирно. Ты не нашел меня, мой враг – потому что ты не искал меня, ты вообще не знал, что я здесь, в доме.

А вот я искал тебя, мой враг.

Искал всю жизнь.

Когда это было? В каких мирах? В каких измерениях? Я не знаю. Я тогда был слишком мал, чтобы что-то понимать. Прошло много перерождений, прежде чем я научился контролировать свои инкарнации, прежде чем бесчисленные измерения и миры сложились для меня в стройную картину. До этого я века и века скитался по мирам, в каждом мире искал тебя, мой враг. Иногда я находил какие-то следы твоего присутствия – настолько давние, что и речи быть не могло о том, чтобы пересечься и встретиться с тобой, мой враг. Например, в одном из миров я увидел твое лицо, изваянное на стене древнего храма.

Я не знаю, почему ты убил моего отца, мой враг – да ты

и сам, наверное, уже не знаешь. Ты все забыл, мой враг, у тебя уже другая жизнь, вернее, мириады и мириады жизней.

Но я ничего не забыл.

Я все помню, мой враг.

Прошли мириады лет, прежде чем старый шаман, последний выживший из некогда великого племени, научил меня управлять перерождением моего тела. И прошли еще мириады веков, прежде чем умирающий отшельник на вершине мира показал мне, как можно искать твой остывающий след, мой враг.

Я искал тебя. Ты оказался хитер и лукав, ты сразу почуял, что кто-то идет за тобой. Ты ловко исчезал из мира за считанные часы до того, как я настигал тебя. Даже когда я убивал твою брэнную оболочку, ты успевал ускользнуть, мой враг.

А убить тебя было непросто, очень непросто. В каждом мире ты добивался высоких постов, ты был всеобщим любимцем, ничего в тебе не напоминало о том, что ты когда-то злодейски ворвался в дом моих родителей, убил моего отца и стал причиной смерти моей матери. Я помню, как ты ехал в открытой машине, тебя приветствовала восторженная толпа – а я затаился, я выслеживал тебя, я выпустил пулю в твое сердце.

Я убил тебя, мой враг.

Меня проклинали. Тебя восхваляли, мой враг.

Но я нашел тебя, мой враг.

И я нашел способ одолеть тебя, мой враг.

Я знаю, где ты сейчас, в каком теле, в каком времени, в каком измерении. Я знаю, что ты сейчас читаешь эти строки – страницу за страницей. Я предвидел это. И другое я предвидел, мой враг, мой дар заговаривать строки не подвел меня и на этот раз: как только твой взгляд коснется последней строки, ты умрешь, мой враг.

Ро

В половине первого ночи переключается энергоподача.

Шумит.

Она каждый час переключается.

И каждый час шумит.

– Сколько бы еще написал... черт, сколько бы еще написал...

Би понимает – это хозяин про Родуэлла говорит. Больше не про кого. Родуэлла хозяин любит, ох, любит, и все книжки родуэлловские у хозяина есть, он их читает и перечитывает.

Так-то.

А Би читать не дает.

И тем паче перечитывать.

Ну да ничего, Би и так хорошо. Хозяин добрый попался, не колотит Би, и хлеба дает вволю, вот это хорошо, что хлеба вволю.

– Какой человек был... черт, какой человек...

Би знает, хозяин теперь до поздней ночи будет ходить из угла в угол, бормотать что-то, воздевать руки к потолку, какой человек был, а какой человек...

Хозяин поворачивается к Би, глаза горят.

– Ты понимаешь... это они его довели... это он из-за них... пулю в лоб... а то бы еще жил... еще бы сколько про-

жил...

Би соглашается.

– Прожил бы.

– Да что ты понимаешь! Он же гений был, понимаешь ты, гений, наши, современные и в подметки ему не годятся... вот, послушай...

А дождь идет переулками долгими

И капли падают с неба осколками,

И ты не веришь, что это вода, а не небесная кровь,

Но никогда не узнаешь заранее,

Что ждет на улицах, ливнями раненных,

В огромном городе сточных канав и великих миров.

Би слушает. Если хозяин говорит – послушай, отчего ж не послушать.

А ты говоришь...

Би хочет возразить, что ничего не говорил. Не возражает.

Половина третьего ночи.

Би дремлет, что-то снится Би, что-то непонятное, равнина, залитая светом, трава шелестит, Би не знает, что такое трава, никогда не видел, а вот – трава.

И свет.

Много света.

– ...нись.

– А?

– Да проснись же! – хозяин в сердцах хочет закатить Би оплеуху, передумывает. Би все-таки.

– Ты же понимаешь... – не унимается хозяин, – он же гений был... ге-ний... не то, что нынешние...

Би оторопело смотрит на хозяина, неужели тот разбудил его среди ночи, чтобы в очередной раз сказать про гения.

– Хорош, хорош дрыхнуть... работать надо.

Би настораживается. Смотрит на комнату за дверью, всю комнату Би не видит, только часть.

Там гроб.

То есть, это Би его так про себя называет.

Гроб.

На самом деле не гроб, на самом деле там человек живой, только с головой у него что-то сделали, что он больше не думает. Слово какое-то ученое есть, Би не помнит.

Хозяин командует.

Давай... действуй.

Би действует. Как учили. Перебирает по клавишам, выстукивает коды, цифры, как учили, чтобы переводить буквы, написанные на бумаге, в цифры.

Называется, оцифровать.

Только вот непонятно, что оцифровывать, хозяин не дал ничего.

Ну да ничего.

Би подождет.

Может, даст.

– Ну чего сидим, кого ждем?

Би спрашивает:

– А... что оцифровывать?

– А да, не сказал тебе... вот... книжки его оцифровывай.

Би недоуменно смотрит на книги, да неужели Би к книгам к хозяевым прикоснется, к тем самым...

Да.

К ним.

Би встает из-за стола, тянется к книгам, дотянуться не может, цепь у Би короткая, не хватает до книг.

Хозяин хлопает себя по лбу.

– А... ну да.

Перекладывает книги Би на стол. Думает, бросает Би еще пару печенек.

Би переводит буквы в цифры одному ему известным способом. Никто не знает, а Би знает. Работа у Би такая, знать.

Заглатывают пасмурные будни
Дела, дела, дела, дела, дела,
И тащат в день измученные люди
Тела, тела, тела, тела, тела.

Нам мало дней безжалостная осень
Дала, дала, дала, дала, дала,
Когда исчезнем, остается после
Зола, зола, зола, зола, зола.

Би переводит. Дела так дела, зола так зола.

Работы у Би многонько, не на один день, а хозяин торопит, поспешай, поспешай, поспешай.

Би поспешает. Би пишет программу, которая сама в два счета все отсканирует и оцифрует. Би запускает программу, хозяин говорит:

– Молодец.

И снова говорит:

– Ты хоть понимаешь, что за человек был? Ты хоть понимаешь? Да один такой человек... которые его довели... убили...

Би подсказывает:

– Он же... себя... убил... сам...

– Чего сам, довели его, вот и убил сам... что человек был... такие раз в десять тысяч лет рождаются...

Би смотрит на годы жизни Родуэлла. Прикидывает, пересчитывает.

– Это... получается, скоро снова родиться должен?

Хозяин хохочет. Потом думает.

– Правильно думаешь, скоро родиться должен. Вот ты ему и поможешь... родиться.

Би не понимает.

– Оцифровал?

– Оцифровал.

– Отлично... сюда давай... сюда.

Би дает сюда, хочет положить хозяину на стол, не может, цепь мешает. Хорошую хозяин цепь купил, с позолотой, чтобы сразу все видели, что хозяин у Би не кто-нибудь.

Хозяин берет оцифрованную инфу.

Снова говорит:

– Молодец.

Свой голос не слышу
За ветром пронзительно-звонким,
Все выше и выше
Вхожу в заколдованный круг
От крыши до крыши
Идем по канату по тонкому,
От крыши до крыши
Раскачиваемся на ветру.

Вертятся в голове строчки, нанизываются друг на друга, складываются в слова. Странно даже, стоит на волосок от гибели, а все еще складываются слова в строчки, строчки в стихи....

– Вы окружены... выходите.

Родуэлл не выходит.

– Сдавайтесь!

Родуэлл не сдается. Родуэлл прижимает дуло к виску.

Спускает крючок.

Мир разлетается на осколки, рвется в далекое сияние впереди, в конце туннеля...

Родуэлл просыпается. Не сразу понимает, где он и что он. Пробует встать, тяжелое тело не слушается, падает на подушки.

– Вам... вам лучше?

Родуэлл смотрит на широкое лицо над ним. Пробует вспомнить, где и когда он его видел. Нигде и никогда.

– Вам лучше?

– А?

– Лучше вам?

– Ага... лучше... я... – он вспоминает, еле выжимает из памяти, – пытался...

Не может вспомнить слово, прикладывает пальцы к виску.

– У меня... не получилось?

Нет. Не получилось. Вы отдохайте...

Ро (Родуэлл) оглядывается.

– Многого я у вас еще не знаю...

– Ничего. Привыкнете. Давайте спать...

Ро встает.

– Вы куда?

– Вы сказали спать... где у нас кровати?

– Сию минуту будут.

Хозяин хлопает в ладоши, появляются постели, повисшие в воздухе.

Родуэлл вздыхает.

– Невероятно. Они... откуда?

– Ну, понимаете... на самом деле они находятся бесконечно далеко от нас.

– Но мы можем спать на них?

– Да.

– Не понимаю.

– Я тоже не понимаю... это надо просто принять... поверить...

Хозяин торжествующе смотрит на Би. Подмигивает, а ведь получилось, черт побери, получилось...

Би кивает.

Получилось.

Би снится трава, подёрнутая солнцем.

Странно.

Раньше Би не видел травы.

Никогда.

– Здесь вода течет по трубам? – спрашивает Родуэлл.

– Да нет же... – терпеливо объясняет хозяин, – вода материализуется там... в кране.

Родуэлл не понимает. Родуэлл много чего не понимает, как смартфоном пользоваться, тоже не знает. По старинке пишет на тонюсенькой древесинке палочкой, ему специально палочку сделали и краску туда напустили.

Вот Родуэлл красками и пишет.

В холодной выси тает туманный морок,
Устало солнце пасмурное гореть.
Такие листья – и некому слушать шорох,
Такие звезды – и некому их смотреть.

А ночь ступает на темных мохнатых лапах
Сбежал рассвет, пришедший не ко двору.
Такая осень – и некому слушать запах
Седых туманов, укутавших все вокруг.

Складно получается.

Ну, еще бы не складно, Родуэлл он же гений и все такое,
человечище один на миллион.

Би просыпается, поднимает голову.

Чуть позвякивает цепь.

Голоса. Там, в комнате, за приоткрытой дверью.

– Об этом и речи быть не может... слушайте, Ро, оставили бы вы свои замашки дурацкие, я честное слово не для этого вас вернул! А сами как жить будем? Прикажете самим оцифровывать и программы писать? Своими руками бункер чинить? Во все времена было, есть и будет... пришли тут с порядками со своими... Ладно, спать, спать идите, у нас завтра встреча назначена, вы не забыли?

Би снова кладет голову на лежанку.

Позвякивает цепь.

Спать надо.

А то хозяин завтра еще чего-нибудь придумает.

Шаги.

Кто-то хватается цепь Би, тянет на себя, Би просыпается.

Это Родуэлл.

Ро.

Рушится мир перед глазами Би, когда Ро снимает с Би ошейник. Би не понимает, в чем он так провинился, чем он так плох, что его хотят убить, да хоть бы казнили сначала, потом сняли, а то где это видано, с живого ошейник снять...

– Пошли.

– А в чем я... виноват?

– Ни в чем.

– Тогда...

– Пошли, пошли...

Би смиряется, если хозяин говорит – пошли, значит, надо идти. Би спешит за Ро, Ро хоть и не хозяин, но гость хозяина.

Родуэлл спешит по коридорам, Би с трудом поспевает за ним. По пути Родуэлл распахивает двери клетушек, где сидят энергетика, айтишники, конструкторы.

Срывает цепи.

– За мной!

Би не понимает.

Но выполняет.

За ним так за ним.

Родуэлл спешит, торопится, а в бункере уже переполох,

сигнализацию включили.

Значит, случилось что-то.

Так всегда, если что-то случается, сигнализацию включают.

Рабы плетутся за Ро, не понимают, зачем за Ро, почему за Ро, почему он срывает с них цепи, куда ведет...

Родуэлл с трудом открывает замок на тяжелой двери бункера. Распахивает дверь.

– Свободны!

Рабы замирают.

– Свободны! – Ро срывается на крик, – свободны!

Би не понимает. Испуганно жметесь назад.

Лучи фонарей скользят по стенам, подбираются стражи.

– Бросайте оружие!

Ро не бросает оружие.

– Вы окружены, сдавайтесь!

Ро не сдается.

Прикладывает кольт к виску.

Спускает крючок.

– Какой человек был... – говорит хозяин, – какой человек...

Би знает, это он говорит про Родуэлла.

– Да он один их все стоил... еще бы прожил, он бы весь мир перевернул...

Би кивает. Раз хозяин говорит – перевернул, значит, так

Оно и есть.

– Что за человек был... а эти его угробили... тогдашние...

Би кивает. Раз хозяин говорит, угробили, значит, так оно и есть.

Позвякивает цепь.

– Если бы сейчас жил, сколько бы сделать успел...

Би осторожно говорит:

– Так он же... воскресал.

– Чего?

– Он же воскресал.... Тогда...

– Что ты мелешь, дурь какая...

Би замолкает. Дурь так дурь... Как хозяин скажет, так тому и быть.

Хозяин перечитывает строки.

Неровной линией, враждебной линией

Из ниоткуда-то, издалека

По небу синему несутся синие,

Что были против красных – все века.

Что мир-спокойствие на битву выменяли,

Расслабиться не смей и не моги,

По небу синему несутся синие,

Жестокие извечные враги.

– Что за человек... нашим до него... как до Луны пешком...

Би не понимает. Лунва же на землю упала, возле бункера рядом совсем.

Ладно.

Не Би с хозяином спорить.

Хозяин дочитывает, гасит свет. Ложится спать.

Тишина.

Би ждет.

В половине первого ночи переключается энергоподача.

Шумит.

Пока шумит, Би подергивает ошейник, цепь позвякивает.

Каждые полчаса шумит.

Каждые полчаса Би подергивает ошейник.

Осталось немного замок расшатать.

И все.

Может, к утру успеет.

Прошлой ночью Би опять снилась трава, залитая солнцем.

Полчаса позора

Как это про запорожец говорят... полчаса позора, и я на даче.

Так вот.

Полчаса позора, и я богатый.

Главное, выдержать. За хорошие деньги и выстоять не жалко. Как это... день простоять да ночь продержаться.

Мажу лицо золотой краской, чувствую себя идиотом. На родине за такое бы уже в дурку упекли, а здесь ничего, терпят.

Надеваю золотой кафтан и позолоченную шляпу, забираюсь на постамент.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный... как там дальше... не помню.

Главное, выстоять. Вытерпеть все эти взгляды, да люди мало того, что смотрят, еще и фоткают... ладно, я за смотр денег не беру. То есть, как это не беру, вон у меня коробка стоит, извольте денежки бросать...

Десять евро в час, это по нашим деньгам где-то пятьсот получается. Хорошие деньги. Даже очень. Сравниваю с тем, что у нас получает охранник, продавец, и...

Ладно, лучше не думать.

Ничего, выстою. Стоят же другие, вон барышня принарядилась, прикрылась веером, вон ангел стоит, поправляет

картонные крылья, подходят люди, фотографируются...

Полчаса.

Стоят же другие по всей Праге, вон в переулочке пляшут озорные черти под тремя скрипками на стене. Было время, прибежали ночью в переулок черти, сорвали со стены стальные скрипки, подняли шум и гам. И уж не знают люди, что было бы, если бы не сошли со своих постаментов могучие атланты, не вломили чертям по первое число. Вот и атланты стоят, держат небо, не дают упасть.

Подходят люди, щелкаются на память, бросают монеты в коробку. Ноги затекли, ну да ничего, это же всего на полчаса...

Стоят же другие. Вон Совиная мельница стоит, а рядом с ней мельник по прозвищу Сова. Только это не мельник, это чёрт, он сначала пакостил людям, а потом исправился, стал мельником. Полюбила его одна девушка, ходила за ним, просила, женись на мне, женись на мне. А он все отвечал – не могу я на тебе жениться. Тогда девушка в сердцах сказала – женись на мне, и пусть хоть черти меня в ад заберут! Мельник щелкнул каблуками, что хотела, то и получила – и превратился в чёрта. И улетели они в ночь, как две черные совы.

Стрелка проходит полчаса, быстро время пробежало. Пытаюсь сдвинуться с места, не могу, ноги будто примерзли к постаменту, это еще что... Лезу в карман за сотовым, руки меня не слушаются, это что-то новенькое...

Люди не замечают, идут мимо, кто-то замирает возле меня, лениво делает селфи на память. Прага меня не замечает, Прага живет своей жизнью, вон стоит святой Николаус в окружении чертей и ангелов. Идет в школы, сейчас у него горячая пора, придет в класс, выведет ученика, а ну-ка, расскажи, как ты себя вел в этом году? И школьник давай рассказывать, как на пятерки учился и бабушек через дорогу переводил. Тут-то и выскочат черти, тут-то и выложат всю правду, и про дневник, спрятанный за батареей, и как сахар из сахарницы таскал, и... и так пока ученик не разревется, тут ангел выходит, утешает, просит святого Николауса простить мальчишку...

Среди малышни еще помогает. На старшеньких уже не действует. Черти в Праге вообще добрые после того, как перевоспитал их некий священник и обратил в христианскую веру.

Пытаюсь пошевелиться. Не могу. День сменяет ночь, Прага загорается яркими огнями, привидения выходят из своих убежищ, идет по улице девушка с отрубленной головой, а за ней её возлюбленный, турецкий купец, а в руках у него сундучок с головой девушки. На камнях площади светлеют двадцать семь крестов, над ними поднимаются двадцать семь душ казнённых.

Отчаянно пытаюсь сдвинуться с места, пусть хоть упаду с постамента, разобьюсь вдребезги, как камень – все равно. Ничего не происходит. Проклевывается рассвет, поливаль-

ная машина смахивает с меня налетевшую пыль, уборщик протирает мою бронзу.

Ничего, все стоят, и я стою. Вон, стоит бравый солдат Швейк, бормочет про себя, пусть было, как было, ведь как-нибудь да было, никогда так не было, чтобы никак не было. Вон коварная принцесса сбрасывает со скалы своих незадачливых женихов, а внизу их уже поджидает водяной.

Проходят годы, бьют часы на площади, смерть звонит в колокольчик, золотой петушок ненадолго разгоняет нечистую силу. Часы отсчитывают срок до конца света, а когда конец света, часы не знают. Знает старый мост, на котором цифры – один-три-пять-семь-девять, и обратно – семь-пять-три-один. В тысяча триста пятьдесят седьмом году построен мост, а в семь тысяч пятьсот тридцать первом году будет конец света.

Ничего, выстою. Все стоят, и я стою. Проходят века, солнце уходит за Карлов мост, бронзовый господин Брауншвейг пишет письмо Марине Цветаевой. Призрак воришки, забравшегося в церковь, все никак не может выбраться, сунул руку в сокровищницу, а чтобы вынуть, надо руку разжать, а жалко.

На берегу Влтавы танцует дом, который построили американцы. Стоим на площадях, на улицах, в скверах, ничего, выстоим.

У Кафки заканчивается рабочая смена, он спрыгивает с постамента, смывает бронзовую краску с лица, спешит до-

мой. Пустой костюм, поддерживающий Кафку, тоже спрыгивает с пьедестала и спешит домой.

Может, и моя смена скоро кончится.

Ничего, выстоим...

Телескоп

Завтра меня казнят.

Или даже сегодня. Хотя нет, скорее завтра, сегодня им не до того.

А вот завтра точно.

Еще надеюсь на что-то, на какое-то чудо, может, обойдется, может, забудут, может, помилуют, может, поймут, что я был прав.

Смотрю на коллег. Странное такое чувство, они будут жить, а я нет, меня казнят, а их нет. Думаю, что должен делать тот, кого приговорили к смертной казни. Не знаю. Вспоминаю какие-то книги об осужденных, да никогда я не читал никаких книг, не до того было...

Не до того.

Поворачиваюсь к коллеге. Надеюсь на что-то, сам не знаю, на что.

– Чего тебе? – он недобро косится на меня.

– Может... поможешь?

– Чем?

– Ну, не знаю... сбежать.

– А раньше ты каким местом думал?

– Когда... раньше?

– Когда людям правду показывал, когда-когда!

– А что люди, не люди, что ли, правду знать не положено?

– А то сам не знаешь, что не положено.

– Кем не положено?

Мой коллега вздрагивает, мотаает тубусом. Не знает. Вспоминает какие-то лекции, какие-то пылкие речи, услышанные где-то когда-то неведомо где и когда.

На наше общество возложена величайшая миссия... одна из величайших миссий закрывать от животных высшие пространства, чтобы...

– А что будет, если они проникнут в эти пространства... высшие? Мир, что ли, погибнет?

Не твоего ума дело, чего там будет, сказано оберегать, значит, оберегать. Нарушил, значит, наказан будешь.

Непонятная злоба накатывает на меня, бесшабашная удаль и ярость.

– И что вы мне сделаете? Вы мне все, вы мне что сделаете?

– Ничего, – отвечает старик в углу.

– И...?

– Люди сами с тобой сделают...

– За то, что я им правду показал?

– Вот за правду и огребешь... по полной...

Брезжит рассвет.

Хлопают двери, полусонные люди заходят в зал.

– Этот вон на утилизацию.

– Чего?

– Телескоп вон тот на утилизацию, чего непонятно-то.

– А чего с ним не так?

– А сам посмотри. Посмотри-посмотри, что показывает-то!

– Ну а резкость-то навести не судьба было? Блин, руки из задницы, не-ет, телескоп у них виноват...

– Да ты посмотри, посмотри, что он показывает-то!

– Да смотрю, смотрю я... ах, ты ж черт... это что с ним?

– То и есть... на утилизацию давай...

– Никогда такого не видел...

– Ну а то.

– А прикольно... так смотришь, там коридоры всякие, туннели в небе расходятся...

Еще бы не прикольно.

– А то оставим прикола ради?

– Те делать больше нечего? Давай... разбирай его на хрен уже...

– На запчасти?

– Да и на запчасти не сгодится... давай его уже... под пресс...

Неполезная книга

Редактор смотрит на меня. Как мне кажется – с ненавистью.

– И вы это... публиковать собираетесь?

Смотрю на книги. Говорю как можно спокойнее, черт, голос все равно срывается.

– А то... ну как вы думаете, чему эти книги ваши научить могут? Чему?

– Как-то об этом не думал.

– Не ду-умали... Вы хоть понимаете, что вы ответственность несете за то, что пишете? За то, что народ читает, за то, что люди думать будут?

Взрываюсь.

– А давайте людей запретим, тогда никто их развращать не будет.

– Шуточки шутим... ну-ну. Черт, не понимаете вы, как это все важно...

– Да понимаю, понимаю... так что вам не так?

– Так все не так. Вот, смотрите... история про хана Батю... вот жили себе хан Батый, правил своим ханством, как его...

– Золотая Орда.

– Вот. Затасканное название, кстати, Золотая. Ну и вот, правил он ордой, а потом что? Вот так, ни с того ни с сего

поперся на эту, как её... Рысь.

– Русь.

– Название поменяйте, очень уж с рысью схоже. Ну и чему такая книжка человека учит? Иди к ближнему своему и отними у него что-то?

– Ну вот, потом же хана прогоняют.

– Прогоняют... лучше бы вообще не нападал, тогда и прогонять бы не пришлось. И вы уж определитесь, как хана зовут, он у вас то Батый, а то Мамай...

Хватаюсь за последний аргумент:

– А вот... вы смотрите, эти княжества друг с другом ссорились-ссорились, а тут перед лицом общей опасности объединились. И победили. Вот и мораль, сообща лучше...

– Так чего лучше, кому-то понравится Дмитрий Донской, а кому-то этот... Батый. Или Мамай. Уж пусть лучше этому Дмитрию вашему идея какая-нибудь в голову придет... перелеты космические или еще что... а чтобы это в жизнь превратить, надо всех объединить... княжества эти.

– Княжества.

– Что за слово такое, княжества... княжества, я еще понимаю, а княжества... переделайте, короче.

Киваю.

– Переделаю.

– Или вот еще история. Люди думают, что земля плоская. Один узнает, что земля круглая, и его сжигают на костре. Ну чему эта история может научить?

– Ну как чему... за правду нужно до конца стоять.

– Да за какую правду? Вы хоть понимаете, чему эта книга научит – а если кто-нибудь какую-нибудь ересь объявит и всех несогласных жечь будет?

– Ну, вы утрируете...

– Ничего я не утрирую. Или вот. История про Колумба. Вот приехал он на чужую землю, и что? И давай всех убивать, отнимать земли у аборигенов... Чему эта история учит? Чему? Приходи в гости в чужой дом, убей хозяина? Что за бред-то?

Молчу. Чувствую, что нечем крыть.

– Вот вроде умный человек, а такую чухню пишете...

Признаюсь.

– Не я писал.

– А кто?

– А не знаю... у деда покойного в доме нашел...

Тяпа-Тяпа

– Полных лет сколько?

Встряхиваю головой, а кто ж его знает...

– Зубы ему посмотрите...

Они смотрят мои зубы, кто-то нехотя заключает:

– Ну... Молоденький... где живете?

– На улице.

– Кошмар какой... чем питаетесь?

– Да... чем придется.

– Тоже кошмар. С проявлениями насилия сталкивались?

Снова трясую головой. Да сплошь и рядом.

– Ну... всякое бывало... дрался там... я бил, меня били...

– А с ногой у вас что, прихрамываете почему?

– Да... какие-то поймали, в фургон затащить хотели...

– Похищение?

– Ну...

Думаю, добавляю – просто так:

– Это еще что... подруга у меня была... Альба... так ее какие-то бомжары к себе подозвали... и ножичком по горлу...

Они вздрагивают. Эти. Которые меня допрашивают.

– М-м-м... родители ваши живы?

– Отец не знаю...

– А мать?

– Мать с братьями какие-то отморозки расстреляли...

Эти вздрагивают. Многозначительно переглядываются.

– Ну что... уровень девяносто восемь процентов, куда уж больше...

– Приступить?

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Слышу его, вижу его, вон он, там, на краю пустоши, где вчера еще был цветущий луг. Вон он, маленький, тоненький, стоит посреди мертвой пустыни, вон увидел меня, бросился ко мне по мертвой земле..

– Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Да здесь я, здесь... Бегу уже, бегу... Видишь, тут я, ничего они с нами не сделают... они... кто они... не знаю...

Объект в зоне действия...

Вижу. Объект транспортировать.

Бегу – со всех ног, по песку, по серой мертвой пыли, вот он, совсем рядом, Юр, его зовут Юр, знаю, еще когда кувыр-кались с ним там, на лугу, и эта, большая, пахнувшая цветами, все повторяла Ю-у-ур, пойдём, Юу-у-р пойдём...

Рядом чужой.

Вижу. Ликвидировать.

Опасно. Можно задеть объект.

Постарайтесь не задеть...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Бегу к тебе, бегу, я тебя не оставлю, ты не бойся, я тебе

не какой-нибудь... как эти... самые... Кто-то кричит тебе оттуда, из подземных нор, Юу-у-ур, назааа-ад, ты не слышишь, не слушаешь, еще бы, это же какие-то дядьки кричат, от них пахнет машинным маслом, а не эта, пахнувшая цветами...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Здесь я... и они здесь, вон, раскинули над нами свои сети, кружатся... Врешь, не возьмешь... Небо вспыхивает красным, шарят по земле беспокойные лучи...

– Ю-у-у-ур! Наза-а-а-ад, ма-а-а-ть твою-у-у-у!

– Сейча-а-а-ас! Те-е-епа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Здесь я... бегу к тебе – через мертвую пустыню, где вчера шумел лес...

Бегу... ты не знаешь, из какого далека я бежал к тебе, ду-мал – не доберусь, а я бежал к тебе – через звезды, через миры, через галактики, на шерстке моей осела звездная пыль, когтями я царапал метеориты, разгонялся – быстрее света, когда огибал черные дыры.

Ты не знаешь, откуда я бежал к тебе, тебя туда бы не пустили. Я бежал к тебе из рая, где молочные реки и кисельные берега, я бежал к тебе из рая, где древо Познания и древо Жизни, я бежал – не через ворота, там стоит ангел с мечом огненным, я бежал через дыру в ограде, оказывается, в ограде райского сада тоже есть дыры.

Я бежал – с солнечных лугов и из тенистых рощ, я бежал – из мира, где нет боли, печали, глады и страха, я бежал из рай-

ского сада, где отрет Господь всякую слезу с очей.

Они ищут меня – я знаю, они зовут меня, вот как сейчас ты зовешь меня, как тебя самого зовут большие люди из подземных нор... знал бы ты, какой это сильный зов...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Красные лучи скользят по пустыне...

Бегу к тебе...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Вот так же ты кричал тогда... первый раз, я еще укусил тебя в лодыжку, а нечего было в меня палкой тыкать, ты еще кричал, а-аа, он меня тяпнул, он Тяпа... Сколько вас там было, мал-мала-меньше, какой черт вас вообще сюда принес, черта с два отдохнешь спокойно... Нате вам, то Полкан все на помоечку на мою покушается, теперь этих чертенят черт принес...

– Юр, ты не трожь его, а то еще бешеный...

– Да ну на хрен бешеный, он жрать хочет... Ты сиди, я щас...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Вот так ты и кричал, когда снова туда пришел, на помоечку, я от тебя за ящички подальше забился, да какое там... чуял же, что у тебя в руках, что ты там притащил, дух такой дивный, как от «Пятерочки», только у «Пятерочки» дядька с помелом стоит, а тут на тебе...

– На-на-на... а-ай, ч-черт...

– Чего, Юр?

– Он мне чуть руку не оттяпал, ка-ак кинется! Жрать хочет... На-на-на... Служи!

Вот это тоже было, когда тряс у меня перед носом вот этим, дивно пахнущим, и близко, и не возьмешь, и тянешься, и скачешь на задних лапах, а ты еще смеешься, служи, служи... Над тобой бы так поглумились... хотя бывает и похуже, вот так вот позовут, и тоже в руках у них что-нибудь дивное, манящее, и пойдешь к ним, и ножичком тебя по горлу... Альбу так резанули, видел я...

Так что этот еще ничего, хоть ножом по горлу не полоснет, чувствую...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Бегу, бегу... через пустыню, по растресканной земле, красные лучи шарят по пустоши, ближе, ближе...

Объект в зоне действия...

Сфокусируйте прицел.

– Ю-юр, м-мать твою-ю-ю!

– Сейча-а-ас! Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Тяпа...

Тогда я тоже сказал, что меня зовут Тяпа... там, на допросе...

– Полных лет сколько?

Встряхиваю головой, а кто ж его знает...

– Зубы ему посмотрите...

Они смотрят мои зубы, кто-то нехотя заключает:

– Ну... года три, не больше.

По соседним комнатам допрашивают еще кого-то, узнаю кошчонку из соседнего двора, какую-то пичужку, глазам не верю, а вон за столом сидит длиннющая сосна, пахучими ветками подписывает какие-то бумаги.

– Вы говорите... всю вашу семью... под корень?

– Да что семью, весь наш народ... тысячи, миллионы... – шелестит сосна.

– Где жил ваш народ?

– На территории Сибири. Вы не представляете... века, века... Со времен палеолита там жили, когда этих... и на свете не было. И нате вам, за одну неделю...

Это сосна.

– Так вы говорите... на вас идет охота?

– Да... они приходят, чтобы нас убивать...

– С какой целью они это делают?

– Не знаю. Мне так кажется... для удовольствия.

Это какая-то пичужка.

– М-м-м... родители ваши живы?

– Отец не знаю...

Это я говорю.

– А мать?

– Мать с братьями какие-то отморозки расстреляли...

Эти вздрагивают. Многозначительно переглядываются.

– Ну что... уровень девяносто восемь процентов, куда уж больше...

– Приступать?

– Ну. Этому втолкуйте, что к чему.

– М-м-м... думаете, поймет?

– А вы так втолкуйте, чтобы понял.

– Мы... – поворачивается ко мне, – мы представляем организацию по защите ваших прав...

Они...

Кто они...

Не знаю.

Когда я увидел их первый раз...

Не помню.

То есть, что значит, не помню... вот тогда и увидел, когда в спину дышала смерть, смерть была единая в трех лицах, с палками, я знал, что эти палки стреляют, я уже видел, как это, наставят на кого-нибудь такую палку, и потечет кровь, и кто-нибудь падает с визгом, трясет пробитой головой...

Нате вам, какой-то подтухшей рыбины им жалко, ну просочился в дом, ну умыкнул там что-то из корзины, ну что теперь... Да тут не в рыбине дело, видел я у них там, шкурки висят... шапки...

– Врешь, не уйдешь...

– Там он, в арке... в тупичке...

– Так давай, бери... Только ты тихонько, а то в прошлый

раз шкуру в ключья... снайпер хренов... стрелок... Ворошиловский...

Тут-то они и появились, зыркнули по земле красными лучами, вспыхнули кровавым сиянием, полоснули – по зрачкам, по лицам, а-ах, ч-черр-рт, Кирюха, чего встал, беги, топот ног, свет, свет, свет, совсем рядом, пытаюсь ускользнуть – не могу, путаюсь в лучах...

Красное сияние опускается на меня.

– Не бойся... пойдём с нами... с нами...

Звали – как-то неожиданно мягко, ласково, не как эти, которые подзывают, на-на-на, а потом ножом по горлу, а как-то... как этот, который Юр...

– На-на-на...

– Чш, Юр, он тебе сейчас руку отцапает...

– Да ну тебя... он сам меня боится... на-на-на... не бойся...

Не бойся... Знаем мы это – не бойся, вот в прошлый раз тоже говорил – не бойся, а потом хоп, напялил на меня какое-то пальтишко старое, пустил бегать по двору... Или как тогда, сделал что-то с хвостом, бегу, а за мной дрянь какая-то, бежит и гремит, куда я, туда и она...

Так что знаем мы это на-на-на, бежит к тебе этот Юр, никогда не знаешь, будет он тебя обнимать, гладить, или еще какую дрянь выдумает...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Боязно...

Сейчас уже с трудом припоминаю, как оно, когда боязно, сколько проходил под их защитой, куда только не просачивался под красными лучами... Все эти бесконечные зерофермы, молоты, бьющие коров промеж глаз – насмерть, насмерть, какие-то жуткие машины смерти, крошащие кур, тесные ряды тесных клеток, в которых копошится что-то бесформенное, разучившееся не только летать, но и ходить...

Куда они меня гоняли... везде, всюду... берега, промазанные чем-то радужным, маслянистым, рыбы беспомощно бьются в этой радуге, сердце радостно екает, сколько рыбищи, тянусь к серебристой чешуе, кто-то ОТТУДА одергивает меня, не трожь, не трожь... Когда-то белая, теперь черная птица беспомощно взмахивает слипшимися крыльями...

Куда они меня еще гоняли... сейчас и вспоминать не хочется, вырубленные пустоши, выжженные леса, еще какие-то земли, на которых ничего не растет...

Я возвращался – к ним, каждый вечер, это было просто, потрогаешь бляху на ошейнике, и попадешь в теплый дом, где перед тобой дымится мясо, и белеют кости, и кто-то из них говорил, что все это ненастоящее, какое ненастоящее, самое что ни на есть...

– Большое спасибо, – кто-то снимает с ошейника какую-то штуку, – вы нам... очень... помогли...

– Проявите запись...

– Ага, вижу...

– Что там?

– Видел? Они убивают океан...

– Брось ты, еще не видел, как землю убивают... и воздух...

Это еще что...

– Зачем... зачем?

– Что зачем?

– Зачем так... делают?

– У них спроси... Наше дело маленькое... считаем проценты, и отдаем приказ... или не отдаем...

– Процентное соотношение укажите...

– На текущий момент семьдесят.

– Чего ждем?

– Забыли инструкцию? Проверяем все... Вы уже так один раз приказ отдали... а там на самом деле процентов тридцать было, не больше.

– Так то...

Догрызаю кость, поднимаю голову.

– А я еще это... крыс видел. Им там головы сверлят... и провода какие-то туда суют...

Зачем сказал, мне не поверят...

Они тускло вспыхивают. Они верят. Стрелки на стене переползают с семидесяти на восемьдесят с чем-то...

Кости...

Он тоже носил мне кости, и мясо, этот, Юр, выходил

из подъезда, Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа, и рядом была эта, большая, пропахшая цветами, не трогай собаку, она грязная, я ком-му сказала, не трогай... Да он чистый... А потом над землей взлетала палка, я раньше никогда не видел, как летают палки, и я бежал за ней, хватать, хватать ее, пока не коснулась земли, и нести к Юру, он сделает так, чтобы она снова летала...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

– Юр-ка-а-а!

– Сейча-а-а-с!

Объект в зоне действия.

Есть прицел?

Есть... большой риск... Можем задеть сам объект...

Не заденете...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

...согласно действующему законодательству Служба Защиты делится на спецгруппы с соответствующими функциями:

Альфа. Выявление территорий с потенциальными нарушениями прав жизни.

Бета. Подробное исследование территорий с целью подтверждения или опровержения упомянутых нарушений.

Гамма. Подробный опрос обитателей территории об ущемлении прав.

Дельта. Расчет процентного соотношения...

...за последний квартал выявлено и ликвидировано более...

Икс. Решение об объявлении приказа.

Ипсилон. Объявление приказа.

Омега. Приведение Приказа в исполнение.

– Ма-а, а можно Тяпа у нас поживет?

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что.

– Ну пожа-а-алуйста.

– Нет.

– Почему?

– Он грязный.

– Мы его вымоем... пожа-а-алуйста.

– Я сказала – нельзя...

Большая, пахнувшая цветами...

От них тоже пахло цветами... в тот день, когда стрелка перекочевала за девяносто пять. В тот день, когда они сказали:

Собирайся... мы поведем тебя в рай...

И не будет больше ни глады, ни боли, и отрет Господь вся-

кую слезу с очей...

– Охренеть можно, ни фига лес под корень срубили!

– Да и срубили, и выкорчевали...

– С-садюги...

– Это что... по всей округе так. Какой бор был, какой бор, душа болит...

– Слушай, у тебя котенка не найдется?

– Откуда?

– Ну... так, а вдруг.

– А что?

– Да... кот пропал, дочь ревмя ревет...

– Погуляет, вернется...

– Да кот-то домашний...

– Да тьфу ты, у всех такая же фигня... У соседней собачища была, этот... мастифф... утром проснулись, хватились – нема. У соседки кошку увел кто-то... Над нами какие-то молодые живут, у них прикинь, попугай из клетки пропал, как вообще выбрался...

– Слушай, а ты заметил, ни одного голубя нет?

– И слава богу, уже задолбался пиджаки отстирывать...

– Да нет... это, говорят, перед катастрофами всякими бывает... цунами там...

– Ага, на Урале прямо от цунами спасу нет.

– Ну, землетрясения... животные чувят, убегают...

– А растения тоже чувят? Деревья тоже убегают? Гляди,

вон, в переулке клены были, как корова языком...

...по сообщению РИА-новости на территории всей планеты наблюдается загадочное исчезновение растительного покрова и фауны...

Аномальное пересыхание океанов...

– Женщина, а вы знаете, что конец света грядет?

– Некогда...

– Мужчина, а вы знаете, что конец света грядет?

– Догадываюсь.

– Вы заметили... высохли океаны, исчезли растения... животные... Вот послушайте, что пишет Иоанн Богослов...

– Некогда.

– Всего хорошего.

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Ты волнуешься, ты еще не веришь, что я вернулся... не бойся, я вернулся, я тебя в обиду не дам... я всех вас в обиду не дам... пока я здесь, с вами, они ничего не сделают... ничего... Они не посмеют выполнить Приказ...

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Я бежал к тебе. Уже потом, когда нас отвели в рай, где лев да уляжется рядом с ягненком, где молочные реки, и кисельные берега. Я бежал – с душистых лугов, от гремящих

водопадов, из шумящего леса...

– А можно я приведу с собой своего друга?

Так я спросил их... Они растерялись, они испугались, ведь они привели в рай всех, всех, неужели кого-то забыли, неужели возвращаться туда... туда...

Я сказал им про тебя...

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что.

– Ну пожа-а-алуйста.

– Нет.

– Почему?

– Он грязный.

– Мы его вымоем... пожа-а-алуйста.

– Мы сказали – нельзя...

В 00:12 по местному времени группа Ипсилон отдает приказ...

Уровень солнечной радиации превысил...

...массовая эвакуация населения в бункеры времен...

Они не знают, что в ограде рая есть дыра, может, не успели достроить, слишком торопились сколотить для нас для всех – рай. Они не думали, что кто-то сбежит от зеленых

ХОЛМОВ И ШУМЯЩИХ ЧАЩ...

А я сбежал.

За тобой.

– Тяпа-Тяпа-Тяпа-Тяпа!

Бегу к тебе – через мертвую пустыню, ты совсем рядом.

Ты еще не знаешь, что я умею говорить, они научили. Они меня многому научили, читать книги, писать цифры, называть звезды по именам... Они научили меня летать, пересекать миры и галактики...

Навести цель...

Чужой слишком близко к объекту...

Справитесь... не промахнетесь...

– Ю-р-ка-а-а, м-мать твою наза-а-а-ад!

– Тя-а-а-п-а-а-а-а!

Бегу... ты не знаешь, они не посмеют ничего сделать, пока я здесь... не посме...

Лето нас не любит

Лето нас не любит.

Уходит от нас лето.

Мы чего только не делаем, а оно который год уходит. Уже и жертвы человеческие приносили, жгли на кострах самых красивых девушек – а лето все равно не принимает наши жертвы, уходит.

Задаривали лето богатыми дарами, приносили ему серебро и золото, чем богаты, тем и рады.

А лето все равно уходит. Как к октябрю дело повернет, лето собирает пожитки, и только его и видели.

Уже и запирали лето в высокой башне, заковывали в цепи. Да разве лето удержишь, оно порх – и нет его.

Сам император уже лету сулил должность придворного царедворца. А лето ни в какую.

Не любит нас лето.

Не любит.

То ли дело на юге, вот там любит людей лето. Сильно любит. Оно у них круглый год живет, купается в теплом море, лежит на залитых солнцем пляжах. Ну, еще бы, на юге-то тепло, на юге-то солнечно, на юге и цветы, и на деревьях такое растет, что нам и не снилось. А нас чего, у нас холод, и травушка реденькая, и снег зимой лежит.

Вот и не остается лето.

Уходит.

Уж что только с ним не делали, все равно уходит. Кто-то предлагал в золотую клетку посадить, да где её взять, клетку-то золотую, золото-то нынче в цене.

Старики говорят, лето куда-то за океан уходит. Что надобно за ним пойти. Только это океан переплыть надо.

Или мост построить, чтобы через океан. Вон, стоит недостроенный, может, доведет его кто до того берега.

Мировая медуза

Это не наша действительность.

Только это я и успел сказать. Вот так. Не наша действительность. И некогда разбираться – чья. Некогда разбираться, когда распахиваются стены, и откуда-то ниоткуда вываливается нечто осклизлое, бесформенное, наваливается на тебя, давит, душит, а сзади пробивается что-то дымящееся, пахнущее гарью, кусты какие-то, да нет, не кусты, не знаю, что...

Неважно. Некогда знать, выпускаю в нечто всю обойму, солдат я, в конце концов, или не солдат, нечто даже не реагирует, ему мой кольт как мертвому припарка, то есть, не как мертвому, как не знаю, кому, некогда тут знать...

Люди на площади бросаются врассыпную, вот так, только что напирали на нас, орали, позор властям, и все такое, только что храбрились, и все, и всю храбрость как корова языком слизнула, разбегаются, кто-то визжит, люди кидаются по своим машинам, почему-то не верю, что смогут отсюда уехать...

Осклизлое месиво валится и валится из пролома в стене, да какой стене, нет здесь никакой стены и не было никогда, из пустоты они выходят, из пустоты.

Они...

Кто они...

Не знаю.

Перезаряжаю кольт, не знаю, зачем, стреляю – тоже не знаю, зачем, вонючее месиво даже не вздрагивает. Еще один осклизлый ком наваливается на кого-то из не успешших убежать, кто-то кричит, надрывно, жалобно, я должен кого-то вытаскивать, не знаю, как...

– Водярой... водярой его, сердешного...

Оборачиваюсь, смотрю на неказистого мужичонку, тебе какого хрена тут надо, жить надоело, или как...

– Водярой его полей, сердешного, говорю!

– Хорош уже дурака валять...

– Да серьезно я... вишь, плеснул, оно и стухло...

Смотрю, как мужичишка поливает осклизлое месиво из бутылки, месиву не нравится, месиво скукоживается, сбиается в шуршащую шелуху...

Бросаюсь к ближайшему ларьку, колочу в окно, водки, водки давай, оторопевшая торговка протягивает мне бутылки, еще успеваю крикнуть что-то, что потом заплатим, да что заплатим, медаль дадим за спасение... за спасение... всего.

Откупориваю бутылку, хорошие бутылки стали делать, легко открываются, брызжу на вонючую слизь, еще, еще, еще...

Слизь отступает, аг-га, не понравилось, знай наших... кто к нам с мечом придет... и все такое. Не удерживаюсь, отпиваю из бутылки, внутренности обжигает веселым огоньком. Последний комок слизи не хочет уходить, намертво вцепил-

ся в свою жертву. Выливаю на него остатки водки, не действует, хватаю руками, перчатки начинают плавиться, все-таки успеваю вытащить из-под месива дамочку в драном пальтишке, это эта, которая больше всех орала, позор властям. Наши уже бегут к месиву с бутылками, будут добивать, волоку дамочку к ограждениям, кто-нибудь, скорую вызовите, скорая есть у нас вообще или нет... Дамочка повисает на моем плече, шепчет какие-то слова благодарности, отмываюсь, не стоит, служу России, и все такое. Дамочка неуклюже целует меня в щеку, отставить, барышня, у меня жена, между прочим, Люська моя по телеку нас увидит, я вообще могу потом домой не приходить...

И только теперь снова проклевывается в голове – это не из нашего мира.

Не из нашего...

Элизабет мнется, не знает, сказать или нет. Вроде это не имеет значения, хотя доктору виднее, что имеет значения.

– И еще... может, это не имеет значения...

– Ну, знаете, в нашем подсознании нет лишних деталей.

– Мне сны какие-то непонятные стали сниться...

– Так-так, поподробнее. И что же за сны?

– Ну... медуза какая-то.

– Медуза?

– Да. Точка, а из неё выходят лучи, лучи, лучи... и все это извивается, переплетается... И все это в пустоте плавает...

– Интересно-интересно...

– Ну и вот... и медуза эта с другими медузами встречается... сражается... побеждает... дальше плывет...

– Ну-ну...

Элизабет замолкает, вроде и так уже много лишнего сказала.

– Продолжайте.

– Да... собственно... все, – Элизабет, наконец, собирается с духом, спрашивает, – доктор, это... оно самое? Болезнь?

– Да нет, что вы, какая болезнь, это сейчас всем снится... всему населению земного шара.

– Да вы что?

– Ну да. Уникум какой-то...

– И все-таки, что такое медуза?

– Ну... представьте себе наш мир от Большого взрыва...

– Почтенный Джамши, вы не ответили на мой вопрос про медузу.

– Так вот я вам и отвечаю, вы подождите... не бегите впереди паровоза, задавит.

Смех в зале.

– Ну, вот... Большой Взрыв, а от него расходятся разные варианты действительности. В одном из них наша вселенная вообще не сложилась, в другом осталась на уровне отдельных частиц, в третьем от человечества появился новый вид... Ну вот так, расходятся лучами...

– Лучами медузы?

– Вот-вот.

– Значит, медуза – это варианты реальности?

– Именно так.

– А другие медузы?

– Другие миры. Когда встречаются два мира, между ними начинается жесточайшая борьба, в которой побеждает сильнейший. Причем, в этой борьбе участвует не только сама медуза, но и все, кто живет на её кусочках реальности.

– Почему же в таком случае раньше мы не наблюдали ничего подобного?

– Очень просто. Все это время – от Большого Взрыва до наших дней – медуза росла, развивалась где-то в каком-то укрытии. А теперь проснулась, вышла из убежища в большой мир.

– Значит... нам нужно ждать новых нападений?

– К сожалению, да.

Перебираем трофеи. Хорошо сегодня потрудились, много трофеев захватили. Устали как черти, да и медуза, я думаю, тоже устала, бедная...

Перебираю трофеи, доставшиеся нам от того, другого мира. Сейчас бы все бросить и спать, спать, спать, да какое там спать, пока спать будем, эти все трофеи растащат. Эти... кто эти... не знаю, кто, какие-то лучники из одной из параллельных реальностей в нашей медузе. Вместе отбивались от сия-

ющих треугольников из чужой медузы, вместе победили. Перебираю обломки, похожие на стекло, думаю, к чему можно приспособить...

– Ва-ва...

Это эти. Которые с луками и стрелами. Требуют, чтобы «стекло» отдали им. Еще пытаюсь объяснить, что так не делается, что делиться надо, делиться, не понимают они, что такое делиться. Понимаю, что пора браться за оружие...

Оставь.

Оборачиваюсь, смотрю на капитана.

– Оставь, говорю. Ну их... мы умнее...

– И чего?

– Того... Знаешь правило трех Дэ, дай дорогу дураку?

– И чего теперь, всем идиотам уступать будем?

Не договариваю. Стекло вспыхивает серебристым сиянием, окутывает людей, кто-то еще пытается вырваться, взмахивает обугленными руками...

Молчим.

Здесь нужно что-то сказать, только слов не осталось...

Вздрагиваю, подброшенный телефонным звонком, блин, нельзя так пугать, нельзя... Генерал звонит, странно, почему мне звонит, а не офицеру...

– Ну и что вы сделали? – звериный рык в телефоне.

Холодеет спина.

– А... а что мы сделали?

– Они еще спрашивают! Ничего, что вы их поубивали

всех?

– А что мы, смотреть на них должны были, что ли?

– Да вы не понимаете... не понимаете...

Действительно, не понимаем.

– Ну, видите ли... рано или поздно медуза задумывается о том, чтобы встретиться с другой медузой не для драки... а для других целей.

– И для чего же?

– Я бы назвал это любовью.

– Хотите сказать, это был именно тот случай?

– Да. Но мы не поняли этого, мы набросились на них... как на врагов. Мы уничтожили медузу, которую так любила наша медуза...

– Что же, будем надеяться, она найдет себе другой предмет обожания.

– Сомневаюсь. В паре если одна медуза погибает, другая тоже не живет.

– Откуда вы знаете?

– Великая вещь – математика. Я никогда не видел, как живут медузы, но рассчитал абсолютно точно.

– И как же нам спасти наш мир?

– Боюсь, это уже невозможно. Наша медуза мертва.

– А мы?

– Я тут пытался рассчитать, сколько люди проживут без своего мира...

– И сколько же?

– Вы уверены, что наши зрители готовы это услышать?

Экран гаснет.

Умирает свет в ночнике.

Думаю, сколько нам осталось.

Нерожденный

– Холодает, моя госпожа.

Элизабет недоуменно смотрит на слугу, Элизабет не понимает, что значит, холодает, что значит, вечереет, если Серж должен прийти...

Порыв ветра теребит осенний сад, срывает листья с легким шелестом.

– Вечереет, моя госпожа.

Элизабет не поворачивает головы, смотрит в темноту подступающей ночи.

– Моя госпожа, – повторяет слуга, – вечереет.

Элизабет поворачивается:

– Принеси мне манто.

Ждет.

Чу – клубится пыль по дороге, бьют копыта в мостовую, скрипят колеса. Элизабет настораживается – вот он, Серж. Нет, не Серж, это торговец рыбой гонит свою повозку. Хотя... а кто сказал, что Серж не может быть бедным торговцем, чего ради Элизабет ждала рыцаря на белом коне, ведь может появиться и менестрель, у которого нет крыши над головой, и торговец рыбой... Элизабет тихонько хихикает, представляет, как схватится за голову отец, да чтобы я, да чтобы ты, да дочь барона замуж за бедняка, да никогда, пока я жив...

Нет, торговец сворачивает в переулок к таверне.

Не он.

В книге написано, что Серж придет прямо сюда, в замок. Элизабет не понимает, как это – прямо сюда, в замок, как его пустят, неужели просто так возьмет и зайдет. Должен быть, и правда знатный человек будет этот Серж, приедет в карете со свитой, опустится на колени перед хозяином замка, господин барон, прошу руки вашей дочери...

В городе закрывают ворота.

Никто не придет.

Серж смотрит в окно, видит очертания маленького городка:

– Это и есть Таймбург?

Проводник подобострастно улыбается:

– Да, мы почти приехали.

– Отлично... а перекусить там есть где-нибудь?

– Разумеется.

Серж поеживается от осеннего холодка. Серж не завтракал, некогда было завтракать, надо было ни свет, ни заря ехать в замок.

Обещали замок.

И Элизабет.

Серж выходит на площади, оглядывает ряды повозок с лошадьми, извозчики бросаются к Сержу, куда вас довезти, совсем недорого...

Проводник кивает:

– До замка совсем недалеко.

Серж останавливается, чтобы купить немного еды, тут же спешит за остальными по дороге к замку...

Элизабет смотрит в темноту подступающей ночи.

Дорога пуста.

Приходи слуга, приносит мантию, Элизабет кутается в мех, тут же отбрасывает дорожную накидку.

– Принеси... принеси мне книгу!

Слуга спешит.

Темнеет.

Поднимается над садом огрызок луны.

Серж останавливается у входа в замок, вынимает кошелек:

– Сколько за вход?

Человек у входа улыбается:

– Сколько вам будет угодно.

Серж отсчитывает монеты. Человек кивает:

– Благодарим вас.

Пожалуйста, моя госпожа.

Элизабет берет книгу, пролистывает страницу за страницей...

...от запретной любви Элизабет, дочери барона, и приез-

жего Сержа родится тот, кто спасет народы земли от звезды
Полынь и конца света...

Элизабет вздрагивает, как она раньше не замечала этой
строчки, или раньше этой строчки и не было, ведь книга по-
стоянно меняется.

От запретной любви...

Сердце Элизабет сжимается в тревоге.

Серж поднимается в большую залу, разглядывает доспе-
хи у входа, поднимает голову, чтобы увидеть причудливые
своды.

Элизабет спускается с балкона в большую залу.

Никого нет.

– Он не придет сегодня, – шепчет Элизабет.

Может быть, завтра, моя госпожа, – говорит слуга.

– А это Элизабет, – говорит провожатый, – дочь барона.

Серж смотрит на Элизабет, чувствует, как ёкает сердце.

– Баронесса, значит?

– Не, баронесса, это жена барона. А дочь барона... – про-
вожатый смущенно улыбается, – не знаю.

Элизабет видит Сержа.

На рисунке в книге пророчеств.

– Моя госпожа... – слуга осторожно показывает на стра-

ницу, – здесь появилась новая надпись... когда Серж придёт в замок...

Серж вынимает смартфон, делает несколько снимков Элизабет. Снимки не получаются, как ни крути, а видно...

...Элизабет читает, – книга падает из рук, за книгой падает и её хозяйка, заливаясь слезами, светлые волосы извиваются на камнях пола...

...видно, что лицо восковое, а руки и вовсе пластиковые...

Серж замирает.

Смартфон падает на каменный пол, бегут трещины по стеклу.

Серж не замечет.

Люди уходят из замка, провожатый окликает Сержа, пойдёте, – Серж не слышит.

– Пойдёте... автобус ждёт.

– А? Да-да, сейчас...

Серж бежит, второпях забывает смартфон, возвращается, подхватывает гаджет...

– Друг мой... вы не можете претендовать на наследство.

Меня передергивает. Так, началось. Осталось понять, что началось, происки Мердока или что похуже...

Откашливаюсь.

Спрашиваю как можно спокойнее:

– И... отчего же?

– Вы смотрели свою родословную?

– Да, я знаю её достаточно хорошо.

– А вы никогда не обращали внимания на годы рождения своих родителей?

Меня передергивает. Понимаю, что не помню. Вообще.

– А вы посмотрите... вот, – нотариус протягивает мне фамильное древо. Смотрю. Как можно спокойнее. Сейчас окажется, что покойный отец совратил покойную мать, когда ей не было и пятнадцати...

– Вот. Год рождения вашей матери. Тысяча пятьсот тридцать первый.

Вздрагиваю. Мне кажется, я ослышался.

– Год смерти вашей матери... да вы можете сами посмотреть...

Смотрю. Тысяча пятьсот семьдесят седьмой.

– А вы когда родились, друг мой? – спрашивает нотариус.

Начинаю вспоминать. Сейчас тысяча восемьсот тридцать девятый, мне двадцать три года, значит...

...в шестнадцатом году. Тысяча... восемьсот.

– И как же вы родились через много лет после смерти вашей дорогой матушки?

– Не могу знать, сэр... меня воспитывал дядя... он говорил, что моя мать умерла, когда мне было несколько месяцев от роду.

– И ваш дядя лгал. Что же, это еще не весь сюрприз. Посмотрите на дату рождения вашего почтенного отца.

– Тысяча де... черт побери, это еще что такое?

– Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. И год смерти, две тысячи шестьдесят седьмой.

– Этого не может быть.

– Вот и я о том же. Ваш почтенный отец еще не родился.

Говорю как можно спокойнее:

– Это ошибка.

– Ошибка? Во всех документах?

– Ну да.

– В документах, которые были созданы независимо друг от друга?

– М-м-м...

– Друг мой, я не могу позволить вам вступить в права наследования.

– Но...

– Более того, по идее я должен вас арестовать...

– За что арестовать? Нет такого закона, что человеку нельзя родиться от родителей... мм-м... один из которых еще не родился, а другая давно умерла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.